

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Историческое...

Грав. О. Кипренской. — 1827.

Граф. Н. Уткинъ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

П О Э М А

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Издание второе, исправленное и умноженное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

Съ дозволенія Правительства.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авшору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго лицея и продолжалъ ее среди самой разсыянной жизни. Этимъ до нѣкошорой степени можно извинить ея недоспапки.

При ея появленіи въ 1820 году шогдашніе журналы наполнились кришиками болѣе или менѣе снисходительными (*). Самая про-

(*). Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой К***

Напрасно говорить, что кришика легка;

Я кришику читалъ Руслана и Людмилы;

Хоть у меня довольно силы;

Но для меня она ужасно какъ тяжка.

спранныя писана г. В. и помѣщена въ Сынѣ Ошечества. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣснаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя.

« Начнемъ съ первой пѣсни. *Commençons par le commencement :*

«Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?»

«Зачѣмъ онъ рассказываетъ свою исторію, и какъ можешь Русланъ въ шакомъ несчастномъ положеніи *съ жадностію внимать рассказы* (или поруски *рассказамъ*) спарца?»

«Зачѣмъ Русланъ *привистываетъ*, отправляясь въ пупь? Показываетъ ли эшо огорченного челоуѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею прусосстію поѣхалъ искашь Людмилы? Иные скажутъ: за пѣмъ, чшобы упасшь въ грязный ровъ: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir.*

«Справедливо ли сравненіе, стр. 46, которое вы такъ хвалише? Случалось ли вамъ эшо видѣшь?»

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою боро-
дою (что между прочимъ совсѣмъ не забав-
но) приходилъ къ Людмилѣ? Какъ Людмила
пришла въ голову спранныя мысль схватить
съ колдуна шапку (впрочемъ въ испугѣ чего
не надѣлаешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей
это сдѣлать?»

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая,
какъ ребенка въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;

.

Ихъ члены злобой сведены;

Объяпы, молча, коспенѣють, и проч. ?

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы
это.

«Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле
бишвы (которое совершенный *hors d'œuvre*),
зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя

Усѣялъ мерзвыми коспями?

.

.

VIII

Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло *травой забвенья*? . .
Временъ опгь вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.?

«Такъ ли говорили Рускіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій *о травѣ забвенья и вѣчной темнотѣ временъ*, на Руслана, котораго чрезу минушту послѣ восклицаетъ *съ важностью сердитой*:

Молчи, пустая голова!

.

Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!

Я ѣду, ѣду не свищу,

А какъ наѣду, не спущу!

. Знай нашихъ! и проч.?

«Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головою браша? Не лучше ли бы было взять его домой?»

«Зачѣмъ будишь двѣнадцать спящихъ дѣвъ и поселяешь ихъ въ какую-то спель, куда, не знаю какъ, захалъ Рапмиръ? Долго ли онъ про-

быль шамь? Куда поѣхаль? Зачѣмь сдѣлался рыбакомь? Кшо такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ опчаяніе, не находя Людмилы, махаль до пѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

«Зачѣмь карла не выльзъ изъ кошомки убишаго Руслана? Чшо предвѣщаешь сонъ Руслана? Зачѣмь эшо множество почекъ послѣ сшиховъ:

Шатры бѣлюпъ на холмахъ?

«Зачѣмь, разбирая Руслана и Людмилу, говоришь объ Иліадѣ и Энеидѣ? Чшо есть общаго между ними? Какъ писашь (и кажешся серіозно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдушъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вошь вещи, кошорыхъ я не понимаю, и кошорыхъ многіе другіе также не понимающъ. Если вы намъ объясните ихъ, шо мы скажемъ: *cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare.* (Philippis. XII. 2). »

Х

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя шрудъ опвѣчать на оныя. Его аншикришика ошпроумна и забавна.

Впрочемъ нашлись рецензенты совсѣмъ инаго разбора. На прим. въ Вѣспникъ Европы, No. 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную спашью.

«Теперь прошу обратишь ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, кошорый, какъ у Камозенса Мысь бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана Россійской словесности. Пожалуйше напечатайше мое письмо: бышь можешь, люди, кошорые грозяшь нашему шерпѣнію новымъ бѣдспвіемъ, опомнящся, разсмѣющся и оставяшь намѣреніе сдѣлаться изобрѣшашелями новаго рода Рускихъ сочиненій.

«Дѣло вошь въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы опъ предковъ получили небольшое бѣднсе

наслѣдство липерашуры, п. е. *сказки и пѣсни* народныя. Чшо о нихъ сказашь? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя; шо не должны ли щасливо хранишь и оспашки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ воспоминашь все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливному времени дѣтства, когда какая нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и сославляла все богатство познаний? Видите сами, чшо я не прочь ошъ собиранія и изысканія Рускихъ сказокъ и пѣсень; но когда узналъ я, чшо наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величїи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали переводить ихъ на Нѣмецкой языкъ, и наконецъ шакъ влюбились въ *сказки и пѣсни*, чшо въ стихотворенїяхъ XIX вѣка заблистали *Ерусланы* и *Бовы* на новый манерь; шо я вамъ слуга покорный.

ХІІ

Чего добраго ждашь ошь повторенія болѣ жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?... Чего ждашь, когда наши поэты начинаютъ пародировать *Киршу Данилова*?

Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему челоѣку шерпѣшь, когда ему предлагають новую поѣму, писанную въ подражаніе *Еруслану Лазаревичу*? Извольше же заглянуть въ 15 и 16 Но. *Сына Отечества*. Тамъ неизвѣстный піишь *на образчикъ* выспавляетъ намъ опшривокъ изъ поэмы своей *Людмила и Русланъ* (не Ерусланъ ли?). Не знаю, что будетъ содержашъ цѣлая поѣма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ шерпѣнія. Піишь оживляетъ мужичка самъ съ ногошь, а борода съ локошь, придаетъ ему еще безконечные усы (С. Оп. стр. 121), показываешь намъ вѣдму, шапочку невидимку и проч. Но вошь, что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полъ на побитую рашъ, видитъ богашырскую голову, подъ кошорою лежишь мечъ-кладенець; голова съ нимъ разглагольствуешь, сражается... Живо помню,

какъ все эшо, бывало, я слушалъ опть няньки
 моей; шеперь на спаросши сподобился вновь
 по же самое услышашъ опть поэшовъ ны-
 нѣшняго времени!.. Для большей почности,
 или чшобы лучше выразишь всю прелестъ
стариннаго нашего пѣснословія, поэшь и въ
 выраженіяхъ уподобился Ерусланову раска-
 щнику, на примѣрь:

. . . . Шушите вы со мною —
 Всѣхъ *удавлю* васъ бородою!...

Каково?

. . . Обѣхалъ голову кругомъ
 И спалъ *предъ носомъ* молчаливо.
Щекотитъ ноздри копѣемъ...

Карпина, доспойная Кирши Данилова!
 Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо *ги-*
хаетъ... Вопшь, чшо говоришь рыцарь:

Я ѣду, ѣду не свищу,
 А какъ наѣду, не спущу...

Пошомъ вишызь ударяешь *въ щеку* пяжкой
рукавицей... Но увольте меня опть подроб-

наго описанія; и позволше спросишь: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ нибудь вперся (предполагаю невозможное возможнымъ) гощь съ бородою, въ армякъ, въ лапшяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово, ребята!* Не уже ли бы спали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позволше мнѣ спарику сказашь публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чшобы она каждой разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ спранностей. Зачѣмъ допускашь, чшобы плоскія шушки спарины снова появлялись между нами! Шушка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, опврашипельна, а ни мало не смѣшна и не забавна. Dixi. »

Долгъ искренности пребуешь также упомянушь и о мнѣніи одного изъ *увѣнанныхъ, первокласныхъ отечественныхъ писателей*, кошорый, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я шущь не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу шолько чувспенность. Другой (а можешь бышь и шощь же) увѣн-

чаннѣй, первокласснѣй отечественнѣй писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

12 Февраля, 1828.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Для васъ , души моей царицы ,
Красавицы , для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы ,
Въ тасы досуговъ золотыхъ ,
Подъ шопоть старины болтливой ,
Рукою вѣрной я писалъ ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой !
Ни чьихъ не требую похвалъ ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой ,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ , можетъ быть , украдкой
На пѣсни грѣшныхъ мои .*

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

У лукоморья дубъ зеленый;
Злая цѣпь на дубѣ шомъ :
И днемъ и ночью копъ ученый
Все ходишь по цѣпи кругомъ ;
Идешь направо — пѣснь заводишь ,
Налѣво — сказку говоришь .

Тамъ чудеса: шамъ лѣшій бродишь ,
Русалка на вѣтвяхъ сидишь ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей ;
Избушка шамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ , безъ дверей ;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны ;
Тамъ о зарѣ прихлынушь волны

На брегъ песчаный и пуспой,
И придцапъ випязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходяпъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя ;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богапыря ;
Въ пемницѣ тамъ царевна пужипъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служипъ ;
Тамъ спупа съ Бабою Ягой
Идепъ, бредетъ сама собой ;
Тамъ царъ Кашей надъ злалпомъ чахнетъ ;
Тамъ Руской духъ... тамъ Русью пахнетъ !
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый ;
Подъ нимъ сидѣлъ и копъ ученый,
Свой мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню : сказку эпу
Повѣдаю шеперь я свѣщупу...

Дѣла давно минувшихъ дней,
 Преданья старины глубокой.

Въ полпѣ могучихъ сыновей,
 Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
 Владиміръ-солнце пироваль;
 Меньшую дочь онъ выдаваль
 За князя храбраго Руслана,
 И медь изъ пѣжгаго спакана
 За ихъ здоровье выпиваль.
 Не скоро ѣли предки наши,
 Не скоро двигались кругомъ
 Ковши, серебряныя чаши
 Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
 Они веселье въ сердце лили,
 Шипѣла пѣна по краямъ,
 Ихъ важно чашиники носили
 И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
 Жужжитъ гостей веселый кругъ;

Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ ;
Всѣ смолкли , слушають Баяна :
И славить сладоспный пѣвецъ
Людмилу-прелестъ и Руслана
И Лелемъ свистый имъ вѣнецъ .

Но, спрасью пылкой упомленный ,
Не ѣспъ, ни пѣпъ Русланъ влюбленный ;
На друга милаго глядишь ,
Вздыхаетъ , сердился , горитъ
И, щипля усъ опъ неперпѣнья,
Щипаетъ каждыя мгновенья .
Въ уныньи , съ пасмурнымъ челомъ ,
За шумнымъ , свадебнымъ споломъ
Сидятъ при випязя младае ;
Безмолвны , за ковшемъ пуспымъ ,
Забыли кубки круговые
И брашна неприяпны имъ ;
Не слышатъ вѣщаго Баяна ,
Попутили смущенный взглядъ :
То при соперника Руслана ;

Въ душѣ несчастные шаятъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ — Рогдай, вопиель смѣлый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ Кіевскихъ полей;
 Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ никѣмъ непобѣжденный,
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Последній, полный спраспной думы,
 Младой Хазарскій ханъ Рапмиръ:
 Всѣ прое блѣдны и утрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вошь конченъ онъ; вспаюшь рядами,
 Смѣшались шумными полпами,
 И всѣ глядятъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будпо сердцемъ приуныла,
 И свѣшель радоспный женихъ.
 Но пѣнь объемлепъ всю природу,
 Ужь близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ опъ мѣду,

Съ поклономъ убрались домой.
 Женихъ въ восторгъ , въ упоеньѣ :
 Ласкаетъ онъ въ воображеньѣ
 Спыдливой дѣвы красоту ;
 Но съ пайнымъ , грустнымъ умиленьемъ
 Великій князь благословеньемъ
 Даруетъ юную чепу .

И вопъ невѣспу молодую
 Ведутъ на брачную постель ;
 Огни погасли... и ночную
 Лампаду зажигаетъ Лель .
 Свершились милья надежды ,
 Любви топовяпся дары ;
 Падутъ ревнивыя одежды
 На Цареградскіе ковры...
 Вы слышите ль влюбленный шопопъ
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ
 И прерывающійся ропопъ
 Последней робости?... Супругъ
 Восторги чувспвуетъ заранѣ ;
 И вопъ они настали... Вдругъ

Громъ грянулъ , свѣтъ блеснулъ въ туманѣ ,
Лампада гаснешъ , дымъ бѣжипъ ,
Кругомъ все смерклося , все дрожипъ ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной пишинѣ
Раздался дважды голось спранный ,
И кто-шо въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова перемъ пуспъ и пихъ ;
Вспаешъ испуганный женихъ ,
Съ лица капишся пошъ оспылой ;
Трепеща , хладною рукой
Онъ вопрошаешъ мракъ нѣмой...
О горе : нѣпъ подрути милой !
Хвапаешъ воздухъ онъ пуспой ;
Людмилы нѣпъ во пмѣ гуспой ,
Похищена безвѣспной силой.

Ахъ , если мученикъ любви
Спрадаешъ спраспью безнадёжно ;
Хопъ груспно жипъ , друзья мои ,
Однако жипъ еще возможно.

Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнявъ влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, поски предметъ,
И вдругъ минушнюю супругу
Навѣкъ упростишь... о друзья,
Конечно лучше бь умерь я!

Однако живь Русланъ несчастной.
Но что сказала великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зыпя гнѣвомъ разпаясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
« Гдѣ, гдѣ Людмила? » вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. « Дѣти, други!
« Я помню прежнія заслуги :
« О, сжалъсь вы надъ старикомъ!
« Скажите, кто изъ васъ согласенъ
« Скакашь за дочерью моею?
« Чей подвигъ будетъ ненапрасенъ,
« Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
« Не могъ сберечь жены своей! —

« Тому я дамъ ее въ супруги
« Съ полцарствомъ прадедовъ моихъ.
« Кто жъ вызовется, дѣпи, други?... »
— Я! молвилъ гореспный женихъ.
« Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радоспный Рапмиръ:
Сей часъ коней своихъ сѣдаемъ;
Мы рады весь извѣздитъ мѣрь.
Опець нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся: ѣдемъ за Княжной. »
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ проспираемъ руки
Спарикъ, измученный поской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ унынемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мершвитъ.
Садятся на коней репивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Лешатъ въ клубящейся пыли;
Уже скрывающа вдали;

Ужь всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядишь
Великій князь въ пустое поле
И думой имъ во слѣдъ лешишь.

Русланъ помился молчаливо,
И смыслъ и память пошерявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхаль за Русланомъ.
Онъ говоришь: «насилу я
« На волю вырвался, друзья!
« Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
« Ужь по-по крови будешь печь,
« Ужь по-по жерпвь любви ревнивой!
« Повеселись, мой вѣрный мечъ,
« Повеселись, мой конь репшивой! »

Хазарскій Ханъ, въ умъ своёмъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не плящеть надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,

Огня надежды полонъ взоръ:
То скачешъ онъ во весь опоръ,
То дразнишь бѣгуна лихаго,
Кружишь, подъемлешь на дыбы,
Иль дерзко мчишь на холмы снова.

Рогдай утрюмъ, молчишь — ни слова...
Спрашась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше беспокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно успремлѣнъ.

Соперники одной дорогой
Все вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра спалъ шепень брегъ оплогой;
Съ воспока льещя ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ опдохнуть.
Вопь подъ горой пушемъ широкимъ
Широкій пересѣкъся пупь.
« Разѣдемся, пора! » сказали,

Безвѣстной вѣримся судьбѣ. »
И каждый конь, не чуя спали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пуспынной пишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнился, видѣлъ пы во снѣ.
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ пвоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра.

Но вдругъ предъ випяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющіе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ : что-же зришь?
Въ пещерѣ спарецъ; ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;

За древней книгой онъ сидишь,
Ее внимательнo чипая.
« Добро пожаловать, мой сынъ! »
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
« Ужь двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ спарой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчипся быспрый мигъ:
Навремя рокъ тебя поспигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой пупъ на полночь пробивай.

« Узнай, Русланъ: твой оскорбитель
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похипишель,

**

Полнощныхъ обладапель горь.
 Еще ничей въ его обипель
 Не проникаль донинѣ взорь;
 Но пы, злыхъ козней испребипель,
 Въ нее пы вступишь, и злодѣй
 Погибнетъ опъ руки пвоей.
 Тебѣ сказапъ не долженъ болѣ:
 Судьба пвоихъ грядущихъ дней,
 Мой сынъ, въ пвоей опнынѣ волѣ. »

Нашъ випязь спарцу палъ къ ногамъ,
 И въ радости лобзаепъ руку.
 Свѣплѣепъ мiръ его очамъ,
 И сердце позабыло муку.
 Вновь ожиль онъ; и вдругъ опяпъ
 На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
 « Ясна шоски пвоей причина;
 Но груспъ не шрудно разогнапъ,
 Сказаль спарикъ: тебѣ ужасна
 Любовь сѣдаго колдуна;
 Спокойся, знай: она напрасна
 И юной дѣвѣ не спрашна.

Онъ звѣзды сводить съ небосклона,
 Онъ свиснеть — задрожить луна;
 Но проливъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, прелепный хранитель
 Замковъ безжалостныхъ дверей,
 Онъ только немощный мучитель
 Прелепной плѣнницы своей.
 Вокругъ нея онъ молча бродить,
 Клянеть жестокой жребій свой...
 Но, добрый выпязь, день проходить,
 А нуженъ для тебя покой.

Русланъ на мягкій мохъ ложился
 Предъ умирающимъ огнёмъ;
 Онъ ищетъ позабыться сномъ,
 Вздыхаетъ, медленно вершится...
 Напрасно! Выпязь наконецъ:
 « Не спишься что-то, мой отецъ!
 Что дѣлаешь: боленъ я душою,
 И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.
 Позволь мнѣ сердце освѣжить

Твоей бесѣдою свяшою.
Проспи мнѣ дерзоспный вопросъ.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занёсъ? »

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Спарикъ въ отвѣтъ: « любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальней
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоня сподо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ опрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ

Она гремѣла красопою.
Однажды упренней порою
Свои спада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ пошокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, випись, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною опрадой,
Съ ея мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я съ препешомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю шебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя;

И равнодушно отвѣчала:
 Паспухъ, я не люблю себя!

И все мнѣ дико, мрачно спало :
 Родная куща, пѣнь дубровъ,
 Веселы игры паспуховъ —
 Ничто поски не упѣшало.
 Въ уныньи сердце сохло, вяло.
 И наконецъ задумаль я
 Оспавишь Финскія поля;
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной брапской переплышь,
 И бранной славой заслужишь
 Вниманье гордое Наины.
 Я вызваль смѣлыхъ рыбаковъ
 И скапъ опасноспей и злапа.
 Впервые пихій храй опцовъ
 Услышаль бранный звукъ булапа
 И шумъ немирныхъ челноковъ.
 Я вдаль уплыль, надежды полный,
 Съ полпой безспрашныхъ земляковъ;
 Мы десяць лѣпъ снѣга и водны

Багрили кровію враговъ.
Молва неслась : цари чужбины
Спрашились дерзоспи моей ;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились ,
Дѣлили дани и дары ,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наинной ,
Подъ шумомъ бипвы и пировъ ,
Томилось шайною кручиной ,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други !
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли ;
И, спрахъ оспавя за собой ,
Въ заливъ опчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влещѣли.

Сбылись давнишнія мечпы,
Сбылися пыкія желанья!
Минуша сладкаго свиданья,
И для меня блеснула пы!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злапо и жемчугъ;
Предъ нею, спраспью упоенный,
Безмолвнымъ роємъ окруженный
Ея зависпливыхъ подругъ,
Споялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась опъ меня,
Промолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю шебя!

Къ чему разсказывапы, мой сынъ,
Чего пересказапы нѣтъ силы?
Ахъ, и шеперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню гореспы, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родилсѧ,

По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая кащипся.

Но слушай: въ родинѣ моей
Между пуспынныхъ рыбарей
Наука дивная тащипся.
Подъ кровомъ вѣчной пишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далѣкой
Живупъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудроспи высокой
Всѣ мысли ихъ успремлены;
Все слышипъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвласпны
И гробъ и самая любовь.

И я, любви искапель жадной,
Рѣшился въ груспи безопрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебспвами зажечь.
Спѣшилъ въ обьящія свободы,

Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
 И памь, въ ученьи колдуновъ,
 Провель невидимые годы.
 Наспаль давно желанный мигъ,
 И шайну спрашную природы
 Я свѣплой мыслию поспигъ:
 Узналь я силу заклинаньямъ.
 Вънець любви, вънець желаньямъ!
 Теперь, Наина, пы моя!
 Побѣда наша: думаль я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдипель
 Быль рокъ, упорный мой гонипель.

Въ мечпахъ надежды молодой,
 Въ воспоргѣ пылкаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ — и въ пмѣ лѣсной
 Спрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихорь подняль вой,
 Земля вздрогнула подь ногой...
 И лдругъ сидипь передо мной
 Спарушка дряхлая, сѣдая,

Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ прясучей головой,
Печальной вепхоспи карпина.
Ахъ, випись, по была Наина!...
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами спрашный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣннѣ все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, пы ли!
Наина, гдѣ пвоя краса?
Скажи, уже ли небеса
Тебя шакъ спрашно измѣнили?
Скажи, давно ль, оспая свѣпъ,
Разспался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣпъ,
Быль дѣвы роковый опвѣпъ:
Сегодня семьдесяпъ мнѣ било.
Чпо дѣлапъ, мнѣ пищипъ она,
Толпою годы пролешѣли,
Прошла моя, пвоя весна —
Мы оба посшарѣпъ успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда

Невѣрной младости упрата.
Конечно, я шеперь съда,
Немножко, можетъ быть, горбапа;
Не по, что вспарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За по (прибавила болпунья),
Открою шайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудроспью моею.

Но вопть ужасно: колдовспво
Вполнѣ свершилось по несчастпью.
Мое съдое божеспво
Ко мнѣ пылало новой спраспью.
Скрививъ улыбкой спрашный рошъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ,
Бормочешъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое спраданье!
Я трепешалъ, попуя взоръ;

Она сквозь кашель продолжала
 Тяжелый, спрассный разговоръ:
 « Такъ, сердце я теперь узнала;
 Я вижу, вѣрный другъ, оно
 Для нѣжной спрасси рождено;
 Проснулись чувства, я стараю,
 Томлюсь желаньями любви...
 Приди въ объятія мои...
 О милый, милый! умираю... »

И между пѣмъ она, Русланъ,
 Мигала помными глазами;
 И между пѣмъ за мой кафшанъ
 Держалась пощими руками;
 И между пѣмъ — я обмираль,
 Опъ ужаса, зажмура очи;
 И вдругъ перпѣшь не спало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
 Она во слѣдъ: « о недоспойный!
 Ты возмушилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невинной дѣвы ясны дни!
 Добился пы любви Наины,

И презираешь — вопль мущины!
Измѣной дышущъ всё они!
Увы, сама себя вини;
Онъ обольспилъ меня, несчастной!
Я опдалась любви спраспной...
Измѣнникъ, извергъ! о позоръ!
Но препенци, дѣвичій воръ! »

Такъ мы распались. Съ эспихъ поръ
Живу въ моемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мѣрѣ спарцу уптѣшенье
Природа, мудроспъ и покой.
Уже зовешъ меня могила;
Но чувспва прежнѣя свои
Еще спарушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу преврспила.
Душою черной зло любя,
Колдунья спарая конечно
Возненавидиптъ и шебя;
Но горе на землѣ не вѣчно. »

Нашъ выпязъ съ жадностью внималь
Разказы спарца; ясны очи
Дремошой легкой не смыкаль,
И пихаго полеша ночи
Въ глубокой думѣ не слыхаль.
Но день блиспаешь лучезарный...
Со вздохомъ выпязъ благодарный
Объемлепъ спарца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходишь вонъ. Ногами списнулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснулъ.
« Опець мой, не оспавь меня. »
И скачешъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричипъ вослѣдъ: « счастливый пущь!
Проспи, люби свою супругу,
Совѣшовъ спарца не забудь! »

